

Пролог

*Школа Шардонне
Мон-Пелерин, Женевское озеро
Швейцария, 1880*

— Вам известно, почему я вызвал вас в свой кабинет в столь поздний час, леди Александра? — Рука директора Мориса де Маршанда исчезла под его внушительным столом, но Александра не решалась опустить глаза, чтобы проследить за ней. Не хотелось даже думать о том, чем занята эта рука, скрытая от ее взгляда. Кроме того, ведь опускают глаза, как правило, лгуны. И Александра как раз собиралась солгать.

Она всегда ненавидела эту комнату. Здесь все кричало об изобилии и показной роскоши. Повсюду дамская ткань. Ярко-красные, оранжевые и канареечно-желтые тона. Даже войдя сюда в столь поздний час, хотелось зажмуриться, чтобы спастись от яростной атаки на зрение.

— Нет, сэр, не знаю. — Александра призвала на помощь все, что усвоила из преподанных графиней Мон-Клэр уроков скромности и благопристойности, и встретила взгляд директора. Она надеялась, что ее глаза казались ясными и невинными.

Если судить объективно, то можно было понять, почему многие девушки в школе считали его красивым. Высокие скулы патриция, широкая челюсть, отлично сшитый костюм. Такие мужчины часто фигурируют в дамских романах. По

мнению Александры, у него была слишком длинная и тонкая шея, казавшаяся неуместной на широких плечах. Эффект усиливался маленьким подбородком.

Ее подруга Джулия мечтательно сравнивала цвет его глаз с крепким хорватским портером. Но у Джулии — это стало ясно уже давно — мягко говоря, странный вкус. Если бы Александре пришло в голову сравнить с чем-нибудь глаза директора, она бы уподобила их тому, чем садовник Жан-Ив удобряет орхидеи в оранжерее.

Джулия почему-то всегда забывала о его склонности хлестать девочек по ладоням, когда они плохо себя вели. И в такие моменты его глаза вовсе не были добрыми. В них появлялось что-то иное — темное, страшное.

Он *хотел*, чтобы они плакали. Видя их слезы, он нервно облизывал губы.

Рука де Маршанда вновь появилась из-под стола. Он потер пальцами висок, потом прижал их к губам. Широкие рукава его черного директорского одеяния собрались складками у локтей, которые он водрузил на стол. За этим массивным, внушающим уважение столом сидело много подобных мужчин. Он переходил, словно корона и скипетр, к каждому новому владельцу замка.

— А вы подумайте, — усмехнулся мужчина. Его французский акцент временами становился особенно заметным. Впрочем, он и не старался его скрыть. — Вы — самая умная девушка, когда-либо учившаяся в нашей школе.

Александра живо представила себе поколения умных девушек, побывавших в этом заведении до нее. Они, вероятно, лучше умели скрывать свой интеллект.

— Вы мне льстите, сэ. Но, признаюсь честно, я понятия не имею, зачем вы позвали меня в столь поздний час.

Его веки слегка опустились, и взгляд сразу стал сонным. А глаза потемнели, неожиданно став почти злыми.

— Всегда такая вежливая, — пробормотал он и стал нервно переключать и передвигать то, что лежало у него на столе. Стопка бумаг, до этого придавленная мраморным

пресс-папье, теперь отправилась в кожаную папку. — Такая правильная и внимательная. — Он сдвинул ручку на левый край стола. — Отличные оценки. Безупречное поведение. — Нож для открывания писем он сдвинул вправо, и тот оказался на таком же расстоянии от правого края стола, как ручка от левого. — Безукоризненная ученица... совершенная женщина.

— Я еще не женщина, — напомнила Александра. Через несколько дней ей предстояло покинуть школу. Обучение окончилось. Тем не менее ей было всего семнадцать лет, и она была младше всех в своем классе. — И мне хорошо известны мои недостатки.

Она уже несколько дней думала только о них.

Де Маршанд хранил молчание. Он не сводил с нее глаз, и в конце концов Александра ощутила беспокойство. Желудок будто сдавили в кулак. Ее охватило предчувствие чего-то нового, неизвестного, пугающего.

Чтобы отвлечься, она уставилась на волосы директора. Они были цвета мокрого песка во время отлива. Темнее, чем золотистые, но светлее, чем каштановые. Весьма непритязательный цвет для такого высокомерного и могущественного человека.

— Вы считаете, леди Александра, что если вы безупречно ведете себя днем, то никто не замечает, чем вы занимаетесь в темноте?

Александра судорожно вцепилась пальцами в ткань юбки, постаравшись спрятать руки в складках. Дыхание перехватило. Она с трудом подавила желание бежать.

— Уверю вас, сэр, я понятия не имею, о чем вы говорите.

Директор оперся ладонями на столешницу, встал, подался вперед и несколько мгновений нависал над ней, не сводя с Александры горящих глаз. Его лицо исказила злоба, но выражение быстро исчезло, и Александра решила, что ей показалось. Он подошел к буфету, стоявшему у выходящего на Женевское озеро окна. Растущая луна заливала горы серебряным светом, а раскинувшийся ниже по склону город сверкал и переливался золотистыми огнями.

— У умных людей есть раздражающая привычка. Они имеют склонность переоценивать себя и недооценивать других.

Александра сжала губы и нахмурилась.

— Сэр, если я сделала что-то, показавшееся кому-то оскорбительным...

— Хотите портвейна? — Де Маршанд отошел от буфета и повернулся к ней. У него в руках был хрустальный графин с темной жидкостью и два бокала.

У Александры пересохло во рту. Она стащила такой же графин у него года два назад, и еще бутылку портвейна из его обширной коллекции вин.

Значит... *он знал?*

И нашел пещеру.

Школа Шардонне для юных леди была построена в одиннадцатом веке на склоне горы Пелерин и изначально была замком. Владельцем школы был франкский аристократ. Исследуя свое новое обиталище вскоре после приезда, Александра как-то раз набрела на длинный извилистый коридор, который, если пройти по нему достаточно далеко, расширился и превращался в пещеру, заканчивающуюся стеной из колючего кустарника и плюща.

Здесь она и ее ближайшие подруги Франческа Кавендиш и Сесилия Тиг создали общество Рыжих проказниц. Рыжих — потому что у всех трех были рыжие волосы. Проказниц — потому что здесь они проводили все время, свободное от получения так называемого дамского образования, занимаясь делами, запретными для дам. Они читали По и Дюма, сообщения о военных действиях, фривольную поэзию. Сами изучили латынь и алгебру. Они даже дали друг другу мужские имена, которые использовали при сборе их маленького общества и в переписке: Фрэнк, Сесил и Александр.

С годами они утратили бдительность, став, как поняла Александра, глядя на графин в руке директора, слишком смелыми. Стремясь во что бы то ни стало познать удовольствия, доступные мужчинам и запретные для дам, они время от вре-

мени воровали то одно, то другое у немногочисленных обитателей Шардонне мужского пола. Они считали, что брали только самые безобидные вещи, те, которых никто никогда не хватится.

Вроде одного из нескольких дюжин графинов, выставленных в шкафу директора.

— Портвейн, конечно, не тот напиток, который обычно предлагают дамам, — рассуждал директор, — но, полагаю, вы уже приобрели вкус к запретным вещам. Я прав? — На довольной физиономии де Маршанда, когда он протянул ей бокал, читалось огромное, ни с чем не сравнимое удовлетворение. — Желаете познать удовольствия, доступные только мужчинам?

Онемев, Александра взяла бокал дрожащими пальцами. Она не могла произнести ни слова и не осмелилась сделать глоток. Впрочем, даже при очень большом желании она не смогла бы проглотить портвейн.

— Вы были уверены, что все эти годы никто не знал о вашем маленьком обществе? — с откровенным удивлением сказал директор. — Троица рыжеволосых красоток. Одна — пухленькая и очень богатая, но без титула. Другая — дерзкая графиня, худая, почти костлявая.

Негодование, охватившее Александру от столь вольной оценки качеств подруг, вернуло ей дар речи.

— Я не думаю, что это справедливо...

— И вы, — продолжил директор с неуместным жаром. — Безупречное сочетание. Изящная, но аппетитная. Изысканная и желанная.

Александра пожалела, что плотно поужинала. Теперь все съеденное бурлило у нее в животе.

Де Маршанд выдвинул ящик стола.

— Неприлично говорить такие вещи, сэр. Мой отец будет недоволен...

Увидев бритву с перламутровой рукояткой в руке де Маршанда, Александра забыла, что надо дышать. А директор продолжал доставать из ящика сокровища, которыми рыжеволосая троица обзавелась за годы, проведенные в школе.

Пара подтяжек, цилиндр, запонки, рубашки и прочие мелочи. Далеко не все эти вещи принадлежали ему, а многие даже были выброшены их владельцами. И все же.

Александр не нравилось, что он ходил по их пещере — он осквернил их святилище своим одиозным присутствием. Ей было противно осознавать, что он трогал вещи, ставшие пусть не ее личными, но их общими сокровищами. Сокровищами, которые Рыжие проказницы собирались вернуть после выпуска.

— Четыре года! — Похоже, цифра впечатлила и самого де Маршанда, который аккуратно складывал их сокровища в кучу на краю стола. — Четыре года вы воровали у меня, когда считали, что вас никто не видит. Вы рылись в моих вещах. *Запретных* вещах! Это возмутительно! Мерзко!

Александра ощутила липкое скользкое отвлечение.

Директор медленно покачал головой.

— Мы с вами похожи больше, чем вы думаете, леди Александра. У меня тоже есть склонность к запретным вещам.

Запретный плод.

Именно нечто запретное светилось в его темных глазах, в упор смотревших на нее. От его пристального взгляда Александра почувствовала, как по спине пробежали холодные мурашки. Именно этот холод заставил ее выпрямиться и расправить плечи. И приготовиться к бегству.

— Такая умная, — повторил он. — Но недостаточно умная, чтобы узнать, что я наблюдаю за тобой.

— Я знаю, что вы наблюдали за мной, сэр. — Она чувствовала это, даже когда была слишком юной и не понимала, что именно светится в его глазах. Желание не только запретное, но и преступное. — Больше, чем подобает. Больше, чем правильно.

— Мы не будем сейчас рассуждать о том, что правильно или неправильно. — Он махнул рукой в сторону украденных вещей. — Я достаточно долго наблюдал за вами, чтобы заметить: вы тоже следили за мной.

Александра тихо ахнула.

— Разве что как кролик, осматривающий небеса в поисках орла.

— Значит, вы думаете обо мне, как о хищнике?

Девушку охватило возмущение. Он желал, чтобы она его боялась.

— Я вообще о вас не думаю, сэр.

Его красивая физиономия в красноватом свете камина показалась ей неожиданно уродливой. Он резко подвинул графин и поставил бокал рядом со своей возвращенной собственностью.

Александра не могла не признать свою вину. Доказательства налицо. И все же его грехи были куда хуже, чем воровство. Она понимала это, чувствовала всем своим существом.

— Что я сделаю с вашей троицей? — задумчиво проговорил он, не сводя глаз с Александры. — Будь я мститель, вызвал бы полицию. Будь я жесток, исключил бы вас.

— Нет! — воскликнула Александра. Будучи женщиной, она имела совсем мало шансов поступить в университет. А если у нее не будет рекомендаций от Шардонне, шансов не останется вообще. Ни одного. — Прошу вас, сэр! Это было всего лишь безобидное развлечение. Я приношу свои извинения за то, что мы взяли ваши вещи. Поверьте, мы хотели их только позаимствовать. Я возьму возможный ущерб, если только...

Мужчина наклонился, выдвинул другой ящик стола и достал из него длинный узкий ремень, который знала и которого опасалась каждая девочка в школе. Увидев его, Александра замерла.

— После сегодняшнего вечера я буду уверен, что вы, леди Александра, будете вспоминать обо мне всякий раз, когда захотите повести себя неподобающим образом.

Александра поставила бокал, боясь, что уронит его. А директор медленно обошел стол и направился к ней.

Ее ноздри раздувались от ненависти, но она подавила страх и протянула к нему руки ладонями вверх. Ее раньше никогда не наказывали. Она не делала ничего предосудитель-

ного. Но она видела, как наказанию подвергались другие девочки, и не могла не заметить его последствия.

— Это моя вина, сэръ. Накажите меня, но, молю вас, не трогайте Франческу и Сесилию. Я зачинщица, и только я заслуживаю наказания.

— Как скажете. — Несколько секунд он смотрел на протянутые к нему руки, бледные и дрожащие. Потом поднял ремень, и Александра невольно зажмурилась, ожидая удара. Только удара не последовало.

Она вздохнула, отважилась поднять глаза на директора и сразу пожалела об этом.

Его лицо неувовимо изменилось.

— Нет. — Он указал ремешком на стол. — Для вас, леди, наказание должно соответствовать преступлению.

Она взглянула на гладкую поверхность стола.

— Не понимаю. Что вы имеете в виду?

— Вы хотели, чтобы к вам относились как к мальчикам в школе Ле Редон? — Он схватил ее за локоть и подтащил к столу. — Значит, будете наказаны, как они.

— Я... я не понимаю.

Де Маршанд расплылся в широкой улыбке. Надо же, какие у него белые зубы!

— Наклонитесь!

Глаза Александры расширились, и она сделала шаг назад, пытаясь вырваться. Теперь она поняла, как он хочет ее наказать.

— Нет, — прошептала она. Ее мысли метались. Надо было найти выход, но не получалось. Франческа знала бы, что делать. В крайнем случае, она бы использовала свой титул графини, чтобы образумить директора. Даже Сесилия могла использовать в качестве рычага воздействия свое богатство. Ни один директор, находящийся в здравом уме и твердой памяти, не стал бы рисковать доходом, который она обеспечивала для школы. Но какое оружие было в распоряжении Александры? — Мой отец, английский граф Бентам, не потерпит этого. — Она снова попыталась вырваться, но безуспешно. — Узнав, что вы со мной сделали, он уничтожит вас.

Де Маршанд громко захохотал. Его физиономия оказалась так близко от ее лица, что Александра ощутила тошноту.

— Все знают, что твой отец не может справиться даже с размалеванной шлюхой, не говоря уже о влиятельном человеке.

Он не дал Александре время осмыслить его слова и повалил ее на стол. Его сильная рука легла на ее спину между лопатками и прижала грудью к столу. Она подавила крик.

— Расставь руки, — приказал он.

Александра была потрясена. Ей еще никогда не приходилось сталкиваться с грубостью и насилием, поэтому она подчинилась. Ладони ощутили прохладную гладкость стола. Закрыв глаза, она постаралась вспомнить, сколько на ней надето нижних юбок. По крайней мере, они смягчат удар. Она уже приготовилась почувствовать сильный шлепок ремня. А вместо этого ощутила холодный воздух, коснувшийся ног.

— Нет! — вскрикнула она и в очередной раз попыталась вырваться.

Он прижал ее к столу с такой силой, что поверхность столешницы показалась совсем не гладкой, а даже, пожалуй, зернистой.

А Александру охватила паника. Это не было наказание. И даже не порыв карающего гнева.

Вокруг них сгустилась атмосфера, в которой пульсировало что-то отвратительное, мерзкое, уродливое. Что она сделала? Чем вызвала такую страшную реакцию? Как все изменить?

— Прошу вас. — Она все еще пыталась сохранять спокойствие и подняться. — Позвольте мне встать. Вы делаете мне больно.

— Ты думаешь, мальчики тоже плачут и молят о пощаде? — Его слова прерывались тяжелым свистящим дыханием, словно он говорил сквозь стиснутые зубы.

Вывернув шею и скосив глаза, Александра видела его массивную фигуру над собой.

— Ты действительно так думаешь?

— Я... я... — Она ощущала полную беспомощность и не знала, что сказать.

— Нет, леди Александра, они мужественно принимают свою судьбу. — Его теплое, пожалуй, даже горячее дыхание на ее щеке показалось ей отвратительным. Но она не имела опыта общения с мужчинами и даже подумать не могла, что вслед за дыханием ее щеки коснется влажный язык.

Мокрый след на коже вызвал омерзение, но она не успела отреагировать, потому что мужчина принялся деловито задира- рать ее юбки.

Потрясенная, она никак не могла решить, что делать. Борьться? Закричать в надежде, что кто-нибудь из учителей проснется и придет на помощь? Но защитят ли они ее? Или исключат из школы? А может быть, не сдерживать слезы, которые жгли глаза, и понадеяться, что он смягчится? Быть может, если она покорится порке, это быстрее закончится?

— Эта вещь достаточно тонкая, чтобы видеть сокровище под ней, — пробормотал мужчина, полностью сбив с толку Александру. — Полагаю, я ее оставлю.

Охваченная паникой девушка не сразу сообразила, что он ведет речь о панталонах. В этот момент последовал первый удар.

Используй он ремень, она бы покорилась. Ведь она заслужила наказание. И еще она желала защитить свои планы на будущее и близких друзей.

Она бы приняла свою судьбу мужественно, как мужчина.

Но он ударил ее рукой. Гадливое ощущение от прикосновения его пятерни к телу, жуткий звук соприкосновения плоти с плотью, боль и абсолютное унижение вызвали реакцию, на которую Александра не считала себя способной.

Мужчина нанес еще три удара, прежде чем ее сопротивление стало настолько сильным, что он больше не мог удерживать ее одной рукой.

Тогда он прижал ее к столу своим телом.

— Не дергайся, — задыхаясь, прошипел он, — или я за себя не отвечаю.

— Ответите, — выпалила она. — Я позабочусь о том, чтобы вы ответили перед законом.

Мужчина издевательски захохотал.

— Кому, по-вашему, поверят, леди Александра? Уважаемому учителю из династии, представители которой обучали особ королевской крови, или маленькой испорченной воровке, выдвигающей возмутительные обвинения, чтобы спасти свою репутацию?

Вопрос заставил Александру задуматься.

Кому, на самом деле, поверят? В Англии она принадлежит к аристократии, но здесь... так далеко от дома... что она может?

— Отпустите меня! — Увы, ее требование прозвучало как просьба, даже мольба. — Отпустите, или я погублю вашу репутацию.

— Не получится, потому что сначала я погублю твою репутацию, — выпалил он ей в ухо и всем телом навалился на нее, больно прижав к столу.

Александра похолодела. Мужчина явно решил не ограничиться наказанием.

Она стала вырываться изо всех сил, но он был сильнее. Она требовала, чтобы он остановился, зывала к его разуму, умоляла — все тщетно. Он только еще больше распаялся. Все ее возможности были исчерпаны.

Директор просунул руку между их телами и расстегнул свои панталоны. После этого он быстро обнаружил прорезь в ее панталонах.

— Сопrotивляйся, сколько хочешь, — прохрипел он. — Мне это даже нравится. В любом случае, это не займет много времени.

Времени действительно не потребовалось много. Александра следила, как с каждым ее выдохом полированная поверхность стола затуманивалась, а с каждым болезненным вдохом пар от дыхания исчезал.

Быть может, стоит вообще перестать дышать?

«Это не займет много времени». И не заняло.

Время, подумала Александра, не играет большой роли. За

одно лишь мгновение можно потерять все — девственность, достоинство, способность доверять, чувствовать себя в безопасности.

А еще — рассудок. И себя.

Ее глаза бегали по столу, машинально отмечая несущественные детали: зернистость дерева, книги — обложка одной из них была цвета крови, отблеск лунного света на полированной поверхности. Она вспомнила, как Франческа вытащила некий предмет из кармана.

Перламутровая рукоятка.

Первая вещь, которую они у него украли.

Из-за этого он сейчас отбирает у нее невинность.

Александра обнаружила, что изо всех сил сжимает эту самую рукоятку. Но когда она успела ее схватить?

«Это может его остановить, — подумала она. — Я должна его остановить».

Девушка резко вывернулась и полоснула острым лезвием по горлу мучителя. Звуки, которые он издавал, моментально изменились. Теперь это были уже не громкие хриплые стоны. Они стали тише, мягче, влажнее.

Мужчина отпрянул от нее. Из нее. В тень. При этом он зажимал шею, словно пытаясь удержать текущую кровь. Его губы двигались, но горло было перерезано, и он лишился голоса. Кровь стекала под воротник черного директорского одеяния.

Александра опустила юбки и отошла в сторону, все еще сжимая в руке бритву. Мужчина рванулся к ней и упал, уткнувшись лицом в ковер.

Стараясь двигаться очень тихо, девушка выскользнула из комнаты и плотно закрыла за собой дверь. Она побежала по темному коридору, освещаемому только лившимся сквозь высокие окна лунным светом. Она поднялась по лестнице в башню, где Рыжие проказницы делили великолепную комнату.

В ее ушах еще гремели звуки, издаваемые насильником. Они заглушали все остальное. Войдя в комнату, она с порога выпалила:

— Я убила его. — Но собственных слов тоже не услышала.

Рыжие проказницы стояли, тяжело дыша от усталости, под серебристым ночным небом, наблюдая, как Жан-Ив, школьный садовник, сажает маки. Было уже очень поздно — или совсем рано, как посмотреть, — но даже в этот час цветы переливались закатными красками. Садовник не сажал их аккуратными рядами. Он создал чудесную композицию, соблюдая совершенный баланс между хаосом и порядком.

— Де Маршанд всегда был дрянью, — сказал он. — Теперь, по крайней мере, это будет полезная дрянь. Удобрение для садовых растений. — Он снял шапку, вытер пот со лба и посмотрел на Александру с таким сочувствием, что она едва не разрыдалась. Мешки под глазами мужчины стали заметнее, всклокоченные волосы шевелил ветерок с озера. — Он творил что хотел, наслаждаясь полной безнаказанностью, и, в конце концов, возомнил, что ему позволено абсолютно все.

Александра закрыла глаза. Она до сих пор не пролила ни слезинки.

Ни когда Франческа с торчащими в стороны тонкими косячками морковного цвета, одетая в длинную голубую ночную сорочку укладывала бритву в карман де Маршанда, ни когда побледневшая Сесилия заворачивала тело в залитый кровью ковер и помогала садовнику снести его в сад. Ни когда они начали забрасывать его черной землей.

Проказницы позволили Александре только держать фонарь. С этим она справилась. Она стояла, словно статуя, освещающая место, где закапывали труп, даже когда ее плечо стало дрожать от усталости, потом болеть и, в конце концов, гореть. Даже когда что-то отвратительное поползло по ее ноге, она не пошевелилась.

Она чувствовала холод. И пустоту. В какой-то момент ей показалось, что она сама превратилась в камень. Похоже, никто не сможет отобрать у нее фонарь. Она теперь всегда будет его держать. А когда придут власти — а они придут, как же иначе, — она сама укажет им, где тело. И вынесет им всем приговор.

— Я здесь сам все закончу, а потом позабочусь, чтобы в кабинете не осталось никаких следов. — Жан-Ив смотрел на